

Отзыв

**на диссертацию на соискание учёной степени кандидата филологических наук
Ма Вэньин на тему: «Антропонимика романа Ф.М. Достоевского
"Преступление и наказание" как художественная система».**

Исследование Ма Вэньин может рассматриваться как необходимый и по-своему единственный пока опыт в изучении антропонимики Достоевского. Я вижу самое главное и общее обоснование этого в следующем.

Теперь мы имеем выявление не частных, но художественной системы, в которой только и может отразиться мышление Достоевского – романиста. Диссертант заявляет: «...при немалом числе работ, посвящённых отдельным персонажам романного пятикнижия Достоевского, исследований, выясняющих функции всех имен и их взаимосвязь хотя бы в одном романе этого писателя нет. Между тем уже в «Преступлении и наказании» смысловая выразительность антропонимов захватывает не только имена и патронимы героев (Родион Раскольников, Порфирий Петрович и др.), но и их фамилии. А самих этих героев, пребывающих в прямых и косвенных связях друг с другом, намного больше, чем в любом из романов И.С. Тургенева и И.А. Гончарова», (диссертация, с.19 – 20). Важно и существенно то, что проведённый анализ в рамках одного великого и показательного романа Достоевского тематически, проблемно нацелен на целое. А только в нём, целом, по мысли М.М. Бахтина, обнаруживается авторская (писательская) воля, вне целого – нет автора. Так диссертанту удаётся через антропонимику найти Достоевского в Достоевском. И пройденный Ма Вэньин путь плодотворен, результативен. Исследование Ма Вэньин опирается на традицию, которую она буквально не формулирует, но которую она подразумевает, свободно ориентируясь в накопленном уже арсенале работ по антропонимике, включая литературную и узко – по Достоевскому. Диссертант избирателен. Очевидные предпочтения Ма Вэньин отдаёт работам П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, А.Ф. Лосева. Здесь она черпает и вырабатывает для себя подход к решению достаточно дифференцированных задач, в конечном счёте к проблеме, означенной в заглавии

диссертации. Продолжающуюся исследовательскую линию философии имени, ставшей своего рода классикой, Ма Вэньин видит и ведёт в современное изучение (например, в работах В.С. Синеко, Н.А. Ветловой). Так для диссертанта оказывается верным подход: вокруг имени «оплотняется наша внутренняя жизнь»: «по имени житие, а не имя по житию» (П.А. Флоренский, Имена, Социологические исследования, 1990, №4, С. 140) «... в художестве – внутренняя необходимость имён – порядка не меньшего, нежели таковая же именуемых образов. Этим образы, впрочем, суть не что иное, как имена в развёрнутом виде. Полное развёртывание этих свитых в себя духовных центров осуществляется целым произведением...» (там же, С. 135). «Именованье есть акт рождения» (Булгаков С.Н. Философия имени, СПб. Наука, 1998, С.256).

В диссертации и в соответствующем ей автореферате значения имени организуются, поскольку имя «изначально задумывается как часть целостной художественной системы»; наблюдаемые в романе Достоевского и номинируемые диссертантом значения таковы: номинативное, онтологическое, аксиологическое, символично-метафорическое, эстетическое, культурологическое, социальное (см. дис., с. 5–8; автореф., с. 5 – 8). Надо отметить, что эта предлагаемая номинативная организация значений имён вовсе не отвлечённа от живой и конкретной образной реальности романа, но прямо вытекает из неё; она не формально абстрактна, но выдвигает заложенные в имени смыслы, ценностные смыслы в связи с христианским мировоззрением и антропологией Достоевского. Одним из выразительных примеров тому, иллюстрирующий аксиологическое значение, т.е. духовный смысл имени, а именно Сони (Мармеладовой) в связи с её характером и сюжетной линией. Причём здесь на аксиологическом уровне наблюдаема коррелирующая нить имени и фамилии персонажей: «<...> фамилия портных Капернаумовых, у которых квартирует Соня; подбор такого имени, отсылающего к упоминаемому в Новом Завете городу Капернаум, обозначает тот факт, что, даже занимаясь проституцией, Соня не отпала от Бога и не покинула Его обителей» (дис., с. 6; автореф., с. 6).

Чрезвычайно важно и ценно, как исследователь отмечает, что в зависимости от формы названия активизируется тот или иной смысловой уровень: личные имена обладают значимостью на онтологическом и аксиологическом уровнях (Соня, Миколка, Полечка), а фамилии на метафорическом, эстетическом и культурологическом (Свидригайлов, Мармеладов, Разумихин, Зосимов, Заметов). «Одним из важных аспектов,- пишет диссертант, - является то, что выделенные нами смысловые уровни зачастую сильно расходятся по смыслу и даже могут противоречить друг другу. К примеру, имя Родион Романович Раскольников: фамилия символически отображает внутренний душевный конфликт героя, а онтология имени и отчества характеризует героя как «римлянина с Родоса» крайне противоречивую фигуру, поскольку Рим то враждовал с греками Родоса и разорял их, то, наоборот, покровительствовал им. При этом очевидно, что данная констелляция имени и фамилии замышлялась очевидным образом и из соображений фонетики, эстетики звучания: Родион Романович Раскольников. Возможны и иные истолкования данного важнейшего имени на иных смысловых уровнях. В результате складывается сложная, порой амбивалентная художественная система, неустойчивая из-за множества переменных» (Автореф. с. 8 – 9).

Таким образом заданы задачи диссертационного исследования, а именно:

- «– раскрыть и проанализировать вышеназванные смысловые уровни;
- разобрать образы конкретных героев в свете антропонимики;
- вычислить разные варианты образования имен в данном произведении;
- выявить основной принцип именования героев в романе;
- охарактеризовать взаимоотношения между компонентами имени и показать их связь взаимоотношений с идеологией и художественной позицией писателя;
- показать, как образовавшиеся смысловые переменные имен складываются в семиотическую систему;
- определить, как данная система антропонимических значений коррелирует с художественной системой романа в целом, насколько важную функцию она в ней выполняет» (Автореф. с. 10).

Эти задачи всесторонне решаются в главах.

Первая глава «Главные герои» посвящена анализу образов Родиона Романовича Раскольникова, Софьи Семёновны Мармеладовой в свете антропониимики.

В глубоком анализе и интерпретации Раскольников предстаёт во всей сложности, противоречивости и борьбе противоположных начал, когда на место моральных заповедей Богочеловека ставятся асоциальные и аморалистические претензии человекабога (см. Автореф. с. 13) – всё это, как показано исследователем, на пути уяснения героем изначальной моральной доминанты человеческой природы. На готовность героя к преступным деяниям, как и к своему личностному восстановлению указывает «взрывной» антропоним его. Анализ образа Софьи Мармеладовой не вызывает сомнений, интересно наблюдаема корреляция внутри самого её антропонима, особенно в тени «сладкой» оксюморонной её фамилии.

Во второй главе «Двойники Раскольникова» с помощью антропонимов анализируются образы трёх персонажей (Аркадий Иванович Свидригайлов, Порфирий Петрович, Миколка) согласно нашей классификации названных «двойниками» Раскольникова, так представляет диссертант программу этой главы.

Я бы корректировала эту программу следующим.

1. Раскольников и Свидригайлов состоят в двойничестве на аксиологическом уровне, осуществляя переступание человека. Но если у Раскольникова оно происходит болезненно и наказуемо, в напряжении, в борьбе и коллизии противоположных духовно-нравственных начал, то Свидригайлов давно перешагнул добро и зло, он находится «по ту сторону» от них, и он равно способен и на преступление (погубление ребёнка), и на помощь Мармеладовым. Он вне всякой коллизии, в состоянии хаоса. Вот почему к нему нельзя применять оценки даже в духе нормативной морали («порядочный человек» и пр.), они просто неадекватны. На мой взгляд, поэтому доминирует в форме его названия фамилия, с её частицей слова «гайл» - «похотливый, сладострастный», выражающей единственное его жизненное проявление при его душевно-духовной омертвелости.
2. Порфирий Петрович едва ли двойник Раскольникова, хотя он, действительно, знает и понимает душу своего подследственного, но он именно познаёт, а жизненных

точек соприкосновения у них нет. Порфирий Петрович считает себя кое-что знающим и понимающим, «поконченным» и «закоченелым» перед Раскольниковым. Тот же – «другая статья». То есть: Раскольников проживает жизнь и свою теорию подвергает жизни («до последних столпов дошёл»), а Порфирий лишь познаёт её, его порфириносность и монаршья власть в этом лишь, и никак не в христианском мире, как пишет диссертант. Он, Порфирий, просто понимает, как важно соблюдать христианские заповеди, – и только. Всё это подвело писателя к созданию парадоксальной, непредсказуемой ситуации в романе, как отражение самой живой жизни: здесь и неожиданное появление Миколки на пути следствия, и – в целом – признание Порфирием-следователем преимуществ перед ним его же подследственного.

3. Было бы правильным подключить к двойникам Раскольникова Петра Петровича Лужина с его теорией «цельных кафтанов», в которой Раскольников узнаёт в продолженном виде свою теорию, так что теперь по ней, открывшейся откровенной её сути можно людей «резать». Здесь точно сказалось двойная окаменелость Лужина (Петра Петровича), когда удалённость от Христа превращает в «камень неорганический» (Достоевский Ф.М. ПСС. Т. 7. С. 88).

Что касается убеждения исследователя в двойничестве к Раскольникову Миколки-красильщика и Миколки-возчика из сна Раскольникова, то оно подтверждается анализом, который приносит новый, свежий взгляд на всю художественную систему антропонимики в «Преступлении и наказании». Эти Миколки-антиподы выразили не только двойственность и переменность разных ипостасей в главном герое, но подвели в таком именно смысле к целостной картине человеческой жизни.

Тем более эта картина создаётся за счёт третьей главы «Второстепенные персонажи» (исследуются антропонимы пяти персонажей: Пётр Петрович Лужин, Дмитрий Прокофьевич Разумихин, Андрей Семёнович Лебезятников, Авдотья Романовна Раскольникова, Пульхерия Александровна Раскольникова) и четвёртой главы «Эпизодические лица романа» (анализ образов около 20 эпизодических персонажей в аспекте антропонимики).

Благодаря беспрецедентной полноте привлечённых антропонимов в «Преступлении и наказании», а главное – осмыслении переменной их смысловых значений, их многозначности, актуализации в них мифологического и христианского смысла, воспроизведении самой природы символа позволяет исследователю показать многогранность и многоаспектность собственно антропологии Достоевского. И, конечно, эта антропология опирается на выстроенную и истолкованную антропонимику как целостно- и художественно-системную.

Поставленные диссертантом задачи могли бы быть решены интереснее с углублённым привлечением рукописных редакций, подготовительных материалов к роману. Я имею в виду то, что возможное решение было бы обеспечено не столько другим объёмом материалов, сколько более концептуально. Так, можно наблюдать, как фамилия главного героя появляется лишь в конце первой подготовительной тетради (к сер. 1865), а до того рассказ исключительно строится и ведётся либо от первого лица (как исповедь), либо от третьего (безымянно – «он»). И лишь тогда, когда возникла духовная, идейная коллизия героя как двойственной, расколотой личности, когда эта коллизия разрабатывалась и оформлялась, тогда только в итоге явился «Раскольников», причём его антропоним уже нёс окончательную аксиологичность. Вот один из промежуточных, но существенных моментов.

«"И тогда, когда уж я стану благородным, благодетелем всех, гражданином, я покаюсь". Помолился Христу, лег, и сон.

Несчастья отца, матери. "Как гадки люди, стоят ли они того, чтоб перед ними каяться. Нет! Нет, буду молчать".

Подвиги.

Девочка на бульваре (подлец!).

Сами тысячу раз больше пакостей делают, а тут преследуют, как зайца, как животное. Только-то и умеют. <...>

Зачем мне быть злему? Преступление? О Боже: Наполеон и проч. Они только это и имеют.

Он выходит в исступлении и входит к Разумихину. Разговор о Гасе» (Достоевский Ф.М. ПСС. Т. 7. С. 82-83).

Здесь «говорящая» фамилия главного героя со всей наглядностью подготовлена в его семантике к символично-метафорическому наполнению, в органической ей среде имён тоже символично-метафорического значения, каковы «Наполеон», «Гас» (доктор Гааз) (переступание человека, человекобожество и , напротив, человеколюбие). Не раз ещё возникнут эти имена в округ героя на его пути преступления и наказания. Правда, в романе уже не будет «Гаса», зато в сознании Раскольникова на противоположном полюсе от «Наполеона» возникнет имя «Соня» как приносящая жертву, как совершающая подвиг жертвы и любви. («Сонечка, Сонечка Мармеладова, вечная Сонечка пока мир стоит»).

Также сравнительно позднее рождение имени и этой героини показательно ввиду рукописно-лабораторной подготовки романа. Только с постепенной разработкой её «истории» как жертвенного подвига и заклания себя для других, с неприятием теоретического и действенного переступания человека героем, одновременной любовной готовностью идти за ним, «она», «дочь чиновника» обретёт имя, которым выразится окончательно её суть – мудрость, в романе, в христианском смысле, смиренномудрие – София. Из-за постепенной концентрации под этим именем аксиологического и символично-метафорического наполнения, будет вытеснена одновременно существовавшая ранее другая героиня – «Сяся». Она стала ненужной перед столь выраженным духовным доминированием «Сони».

Творческая лаборатория немало концептуально проясняет и «Свидригайлова» – героя и его имя. Видно, как для будущего Свидригайлова писатель отталкивался от Аристова, преступника, о котором рассказано в «Записках из Мёртвого дома». Аристов не просто упомянут и назван несколько раз, он стал знаком преступного бесстрашия. И в самом романе нить с этим условным прототипом в Свидригайлове сохранится. Но особенно важны записи, что вели к более позднему замыслу «Житие великого грешника» (1869). Будущий

Свидригайлов – потенциально «великий грешник», вступивший на путь от преступления к подвигу. В нём «страстные и бурные порывы», «много подлостей и тёмных дел, ребёнок (NB умерщвлён), хотел застрелиться» <...> «вдруг решимость изобличить себя <...> покаяние, смирение, уходит, делается великим подвижником... жажда претерпеть страдание. Себя предаёт. Ссылка. Подвижничество». «Непомерная и ненасытимая жажда наслаждений. Жажда жизни неутолимая...» (Достоевский Ф.М. ПСС. Т. 7. С. 156, 158).

Трансформация «великого грешника» и привела к свидригайловскому хаосу (о котором я уже сказала). Отражение этого находим в фамилии с его «-гайл» (похотливый, сладострастный) – знак того, в чём этот герой находит поджигающую жажду жизни силу.

Хочу однако резюмировать. Высказанная выше критика не умаляет глубины, значительности проведённого анализа, достигнутой концептуальности. Скорее моя критика является рекомендацией в дальнейшей работе Ма Вэньин, которую она может предпринять в будущем.

Таким образом, задачи, поставленные диссертантом решены. Работу Ма Вэньин отличает высокая проблемность, принципиальность поднятых вопросов. Работа позволяет модернизировать традиционные методы литературоведения, поскольку выводит исследование на уровень междисциплинарного изучения с привлечением таких наук, как история, искусствоведение, теология. Работа демонстрирует, что антропонимика – область точных и строго фиксированных подходов и методов, что ограничивает произвол интерпретаций и трактовок, и это касается не только достоевсковедения, но придаёт и общетеоретическую значимость этой работе. Можно считать, что эта работа включает в себе немало открытий. Автор – иностранец, учёный из Китая – демонстрирует глубокое вхождение в русскую ментальность и превосходно владеет русским языком.

Автореферат соответствует диссертации. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук Ма Вэньин на тему: «Антропонимика романа Ф.М. Достоевского "Преступление и наказание" как художественная система» является научно-квалификационной работой, в которой содержатся

решения задачи, имеющей существенное значение для гуманитарной отрасли знаний, для достоевсковедения в частности. Диссертация соответствует п. 9, 10 Положения о присуждении учёных степеней. Диссертант Ма Вэньин достойна присуждения ей учёной степени кандидата филологических наук.

Г.Б.Пономарёва,
кандидат филологических наук
заслуженный работник ^{культуры} РФ,
зав. отделом ФГБУК «Государственный литературный музей» –
«Музей-квартира Ф.М.Достоевского»

Г.Б.Пономарёва

20 августа 2015

Подпись Г.Б.Пономарёвой заверено.
Врио зав. отделом

О.Зетер (Зетер О.Ф.)